

*Educational and professional standard
as the instrument of the innovative
development of pedagogic education at a
Federal university*

There is substantiated the methodology of development of the educational and professional standard of the Southern Federal University. Its urgency is caused by its orientation at training a teacher of the new formation, implementation of the paradigm of humanities and activity and the pedagogic education adequate to it – the anticipatory pedagogic education of the university type. Special attention is paid to training a teacher for the innovative work and finding out the specificity of the university requirements to the pedagogic education.

Key words: standard, educational and professional standard, innovations, teacher of the new formation, educational paradigm of humanities and activity, type of education, anticipatory pedagogic education of the university type.

**ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

С.Г. НОВИКОВ
(Волгоград)

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ
НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ: ДИСКУССИИ
РУБЕЖА XIX – XX ВВ.
В ЗЕРКАЛЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО
АНАЛИЗА**

Представлен ретроспективный анализ дискуссии по проблемам патриотического воспитания в конце XIX – начале XX в. Сделан вывод о том, что патриотическое воспитание российской молодёжи является залогом сохранения уникальности исторически сложившихся этнокультурных общностей, выступает важным условием сохранения России в качестве самостоятельного субъекта истории.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, интернационализм, патриотизм, национализм, космополитизм.

В начале III тысячелетия Россия оказалась в сложной геополитической ситуации из-за широкого фронта оппонентов её внешнеполитического курса. Вал критики, накатывающий из кабинетов правящих кругов Западной Европы и Се-

верной Америки, «мозговых центров» западного истеблишмента, ставит перед российским обществом, его институтами, включая образование, серьёзные вопросы. Среди них, безусловно, и следующие. Что такое «патриотизм»? В чём заключается патриотическая позиция гражданина? Необходимо ли патриотическое воспитание подрастающих поколений?

Впрочем, перечисленные вопросы продуцируются ещё, как минимум, тремя обстоятельствами. Во-первых, тем, что недавний крах СССР если не дискредитировал, то, по крайней мере, сделал сомнительными в глазах части общества ценности, прокламировавшиеся в советскую эпоху («патриотизм» из их числа). Во-вторых, эти вопросы вызываются необходимостью определиться с *постсоветской* стратегией развития нашей страны, а значит, с тем, *какие* ценностно-смысловые ориентиры следует предложить современной российской молодёжи. В-третьих, патриотическая проблематика актуализируется «юбилейными» заявлениями разного рода авторов о роли СССР во Второй мировой войне, его вкладе в успех антигитлеровской коалиции, о слагаемых Великой Победы. Ведь у каждого читателя научных или публицистических работ, приуроченных к семидесятой годовщине разгрома нацистской Германии, возникает вопрос: было чувство патриотизма одним из ментальных оснований Победы или «фантомом», сочинённым советскими пропагандистами?

При чтении статей популярного характера, научных публикаций нельзя не заметить, что ныне, в отличие от 1990-х гг. (когда над патриотизмом нередко «подтрунивали», а «патриотам» наклеивали ярлык «красно-коричневые»), данная тема лишена налёта критиканства. Более того, к «патриотам» сегодня причисляют себя люди самых разных убеждений, от крайне правых до крайне левых. Создаётся впечатление, что патриотизм становится «козырной картой» в политических играх, когда в зависимости от ситуации, от конъюнктуры лидеры тех или иных сил объявляют его либо позитивной, либо негативной ценностью.

При этом у авторов нет единства мнения относительно содержательного наполнения «патриотизма», не говоря уже об отсутствии единодушия в вопросе о том, насколько необходимо патриотическое воспитание в качестве *самостоятельного направления воспитания*.

Полемика по обозначенному выше вееру вопросов приобретает крайне острый харак-

тер, создавая впечатление, что дискуссии о сущности патриотизма и патриотического воспитания в России проходят впервые. Однако это не так. Ещё на рубеже XIX–XX вв. в отечественном педагогическом сообществе дискутировался вопрос о соотношении национализма, патриотизма и интернационализма, о роли патриотизма в становлении личности россиянина. Уже тогда возникло два лагеря педагогов и общественных деятелей, один из которых позиционировал себя как настоящих патриотов, борцов с «интернациональными веяниями», которые объявлялись причиной крупных недостатков отечественной школы. Чётко назывались и носители этих «веяний» – интернационалистически мыслящая интеллигенция.

Так, автор книги «Национальная школа» Н. Дмитриев писал, что русский интеллигент вообще отличается «слабостью национального чувства и национального самосознания» [4, с. 4]. Обосновывая пагубность данного факта для русской школы, он ссылаясь на мнение К.Д. Ушинского. Напоминая слова великого педагога о том, что «вне народности нет разумной школы», Н. Дмитриев явно отождествлял «народность» и «патриотизм». Он писал: отечественное образование «должно соответствовать сущности и характеру *народного духа*, т.е. должно быть *национальным* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – С.Н.)» [Там же, с. 6]. Автор книги утверждал, что российская школа начала XX в. отступает от заветов Ушинского и потому «не даёт правильно воспитания» [Там же, с. 4].

Точка зрения Н. Дмитриева отражала позицию консервативной части российской властной элиты, включая высокопоставленных чиновников министерства просвещения, и разделялась определенной частью отечественных воспитателей. Поэтому остановимся на её ключевых моментах более подробно.

Процитированный нами автор указывал на главный порок современного ему российского образования: недостаток религиозного воспитания. Он прямо обвинял либерально и социалистически ориентированные части интеллигенции в стремлении привить русскому народу «чуждые его душе и враждебные русской религиозной стихии безрелигиозные настроения», «отнять» у него (в том числе посредством школьного образования) православную веру [Там же, с.16–17]. Н. Дмитриев, будируя педагогическое сообщество, писал: «...если детям с самых малых лет прививают материалистическое мировоззрение, проповедуют утилитарную нравственность, явно отрицают запросы духа в христианском понимании, враждебно относятся к церковности, умышленно выбрасывают *из истории родной земли* религиозные и нравственные ценности народа...», то совершенно ясно, что такое направление *не может отвечать национальным задачам школы*, ибо в корне противоречит характеру народного духа и духовным запросам народа» [Там же, с.17].

Подобного рода обвинения касались не только мировоззренческих позиций воспитателей и их воспитанников. Ведь автор полагал, что *настоящий* русский не может не быть *православным* человеком. А значит, «покушение» на религиозное воспитание в школе являлось, с его точки зрения, антипатриотической акцией. Н. Дмитриев утверждал, что все положительные «племенные свойства» русского народа вытекают именно из его православной веры «как чистой формы христианства». И потому получалось, что такие качества, как «любовь, самоотвержение, смирение, кротость, всепрощение, незлобие», не могут быть воспитаны без изучения в школе Закона Божия, освоения основ того, что мы сегодня назвали бы основами православной культуры [Там же, с.18, 20].

В апологии Н. Дмитриевым русской жизни и русской ментальности выражалось «почвенничество», характерное для значительной части русских мыслителей и педагогов рубежа XIX – XX вв. Однако позиция автора книги «Национальная школа» была крайним выражением этого течения общественной мысли, далеко не всегда смотревшего с подозрением на инокультурный опыт. Его мыслящая часть не впадала в ксенофобию, видя в отечественной ментальности отнюдь не одни положительные черты. Ещё И.В. Киреевский писал в середине XIX в.: «...оторвавшись от Европы, мы перестаём быть общечеловеческою национальностью», а «любовь к образованности европейской, равно как и любовь к нашей, – обе совпадают в последней точке своего развития *в одну любовь*, в одно стремление к живому, а потому и *всечеловеческому* и истинно христианскому просвещению» [7].

Многие педагоги «почвеннического» направления на рубеже столетий разделяли точку зрения такого крупного педагога уходившего века, как В.Я. Стоюнин. Этот ярый сторонник «национального образования» указывал на недопустимость однозначного отрицания западной педагогической культуры и на ошибочность «латинобоязни». Именно ему принадлежала блестящая фраза: «Изучать чужие школы полезно, но точно подражать вредно» [12]. Он пояснял соотечествен-

никам: заимствовать нужно не форму, а принципы. Поэтому-то воззрения «национально ориентированного» Стоюнина были более европейскими, как отметил младший современник педагога Л.Н. Модзалевский, чем воззрения тех его коллег, которые стремились «переносить к нам чужие формы без национального содержания» [6, с. 480]. Это слепое копирование и было тем аргументом, к которому прибегал Н. Дмитриев и другие крайние традиционалисты в своей критике западных заимствований. И потому они предпочитали опираться на другое весьма хлесткое высказывание В.Я. Стоюнина: «Как бы ни были хороши немецкие или швейцарские школы, но они не пригодны нам нужных деятелей в нашей, русской сфере; они прекрасны для немцев и швейцарцев, и всего хуже для русских, способных быстро обезличиваться под иноземным влиянием» [12, с. 312]. Апеллируя к данному тезису, «почвенники» начала XX в. оставляли без внимания другую рекомендацию педагога – избирательно, с умом, но обязательно использовать западноевропейский опыт на ниве российского образования. Противоречили позиции «почвенников» и негативные стоюнинские оценки государственной школы. Всё это не позволяло сторонникам «ограниченной автаркии в образовании», считавшим лишь свою позицию по-настоящему патриотичной, привлечь на свою сторону авторитет данного педагога.

Впрочем, собственное отношение к западному опыту в деле образования они подкрепляли ссылками на ещё больший для отечественных педагогов авторитет – К.Д. Ушинского. Отдать «почвенникам» в союзники основоположника российской педагогической науки их оппоненты, конечно, не могли. В противовес традиционалистам, видевшим в концепции национальной школы Ушинского осуждение «космополитизма», педагоги, чьё сознание было открыто инокультурному опыту, обнаруживали в ней лишь призыв отказаться от непродуктивной модели образования, базировавшейся на копировании схем и образцов. Блестящую аргументацию в пользу необходимости сочетания национальных и интернациональных элементов в культуре и образовании представил С.И. Гессен. Он рассуждал: в то время как «космополитизм отрицает народность ради человечества» и тем самым превращает его в «простую сумму индивидов», национализм «отрицает человечество ради народности, которой в жертву он готов принести и индивида» [2, с. 80]. На этом основании С.И. Гессен называл национализм изнанкой космополитизма и резюмировал: «Если кос-

мополит отрывает целое от частей, то сущность националиста в том, что он отрывает часть (народность) от целого (человечества)» [Там же, с. 84]. Педагог указывал на наличие прямой связи между национализмом и консерватизмом. Он объяснял: для националиста в его нации «всё хорошо, не требует никаких изменений, всё должно быть сохранено», в силу чего неизбежно «интересы государственные отождествляются с интересами узкоправительственными» [Там же, с. 84, 85]. Раз за разом С.И. Гессен возвращался к мысли об отсутствии противоречий между «народностью и человечеством»: «Если нация есть коллективное лицо, соборная индивидуальность..., то она возможна через сверхиндивидуальное, в данном случае через сверхнациональное, общечеловеческое. Только пока нация не выделена, а включена в целое человечества, есть она живое творчество, обладает она своим лицом» [Там же, с. 94]. Ясно формулируя свою позицию, ученый отстаивал необходимость синтеза в отечественной культуре и воспитании национальных и общечеловеческих черт. С.И. Гессен рассуждал: «Определённость задачи даётся народностью, национальной традицией как непосредственной окружающей творческой средой. Без этой включённости в традицию творчество в самом деле оказывается беспочвенным, неплодотворным, т.е. мнимым творчеством. Оно живет преданием: из него исходит и его создает». Учёный убеждал своих читателей, что это прошлое делается непреходящим, это предание становится возможным «только через работу над вечными, абсолютными ценностями, через задание, в абсолютности своей выходящее за пределы отдельных наций» [Там же, с. 94–95]. Усиливая данный тезис, С.И. Гессен писал: «...нация возможна лишь в человечестве и через человечество» [Там же, с. 96]. Обращаясь к российскому учительству, всей мыслящей России, С.И. Гессен заключал: «...причастным к общему я могу быть только через свободное развитие своих творческих сил в каком-нибудь национальном предании. Вне этого свободного и естественного участия в национальном предании я не могу стать причастным и общечеловеческому. Я емь я лишь через нацию так же, как и нация есть нация лишь через раскрывающуюся в ней человечность» [Там же, с. 100].

В сущности, солидарную точку зрения выражал и В.В. Зеньковский. В годы Первой мировой войны он разъяснял педагогам России: «Любовь к родной стране – великое, но не высшее чувство. Там, где любовь к родной стране стоит выше всего, даже выше любви к истине,

к добру, там растут те ядовитые цветы, которыми отравлена современная Германия, в своем узком национализме стремившаяся к порабощению других народов». В.В. Зеньковский указывал на опасность уклониться в воспитании молодежи в шовинизм. С тревогой ученый писал: «Национальное воспитание ограничивает кругозор ребенка границами национальности и приучает видеть в национальности не только самое дорогое, но и самое лучшее явление в мире» [5, с. 88]. С другой стороны, В.В. Зеньковский, подобно С.И. Гессену, видел пагубность и космополитизма. «Воспитание должно быть национальным, – заявлял ученый, – оно должно приобщать человека к исторической работе его страны, должно связывать его с родной страной и развивать сознание его долга перед своей родиной». Космополитизм осуждался В.В. Зеньковским как противоречащий христианскому идеалу братства народов. Этот идеал, констатировал ученый, «предполагает сохранение каждым народом его национальных свойств и особенностей и разрушает только те перегородки, которые мешают народам встать в братские отношения друг к другу» [Там же, с. 88]. Ученый надеялся, что в России, «которая всегда одушевлялась идеалами *всечеловеческого братства*», задачи воспитания духа солидарности «найдут приют и оплодотворят собой нашу жизнь» [Там же, с. 89].

Осознание связи истинного патриотизма с уважением к другим народам широко распространялось среди педагогов России. Так, на I Общеземском съезде по народному образованию (1911 г.) в своём докладе председатель Чистопольской земской управы А.А. Нератов призывал «внушать, укреплять и развивать в детях самую горячую любовь и преданность... к своей родине, ко всему тому, что с нею связано, и к той вере, в которой они родились». При этом он особо подчеркивал: «Нельзя быть космополитом (мы сказали бы «интернационалистом»). – С.Н.), не будучи патриотом, и нельзя быть истинным христианином, не будучи преданным своей национальной вере» [10, с. 212]. Как видим, Нератов, в отличие от Зеньковского или Гессена, не различал понятий «интернационализм» и «космополитизм», вкладывая в последнее признание равноправия всех наций и их равновеликости. Но он был единоклубен с этими педагогами в главном – осуждении национальной кичливости – и в своей проповеди глубокой любви к Отечеству. А.А. Нератов, кстати, критически отзывался о претензиях церковных школ на обладание монополией на истинно нравственное воспитание. Всякое образовательное учреждение, полагал земский

деятель, является «школой воспитания ребенка и, само собой разумеется, воспитания нравственного, так как безнравственного воспитания ни государство, ни общество допустить не могут» [Там же, с. 210].

Терминологии А.А. Нератова придерживался и В.А. Невский. В своих статьях по внешкольному образованию он отмечал: «Космополитические (опять-таки, по нашей терминологии, интернационалистические. – С.Н.) идеалы никогда не были для нас менее дороги, нежели идеалы национальные» [8, с. 94]. В.А. Невский считал вредной для формирования личности патриота публикацию в отечественной прессе статей шовинистического характера, оценивая их как «призывы к национальному воспитанию, в худшем смысле этого слова, – призывы к воспитанию национальной самовлюбленности, нетерпимости и эгоизма» [Там же, с. 94–95]. Категорически не соглашался он с позицией С. Смирнова, выраженной в журнале «Школа и жизнь» (№25 за 1915 г.). С негодованием В.А. Невский цитировал автора этой публикации, писавшего: «Я думаю и глубоко убежден, что детям и учащимся надо говорить и повторять именно о хороших, о привлекательных сторонах народной жизни». И, наоборот, с одобрением В. Невский ссылался на мнение Г. Вебера, сформулированное в сборнике «Вопросы преподавания истории». В этой книге автор к отрицательным качествам личности относил «чрезмерное национальное самомнение, самовлюбленность, *гипертрофированный националистический эгоизм*» [Там же, с. 94].

Педагоги, диалектически смотревшие на взаимоотношение ценностей «патриотизм» и «интернационализм», как, например, Г. Роков, полагали, что то здоровое зерно, которое содержится в понятии «национальное воспитание», квазипатриоты «стремятся посадить в такую почву, где оно неминуемо должно погибнуть» [11, с.145]. Поясняя свою позицию [Там же], Г. Роков в статье «О национально-патриотическом воспитании» признавал: «Пока существуют нации и народы с их индивидуальными различиями, до тех пор вопрос о национальном воспитании будет не фикцией, а реальным и полным значения понятием». Однако здесь же педагог справедливо указывал, что «от того, какое вложить в него содержание... будет зависеть, будет ли оно плодотворным началом, одухотворяющим здоровую воспитательную деятельность, или же, наоборот, началом, болезненно её искажающим». Г. Роков предлагал педагогам развести два по-

нения: «национальное воспитание» и «государственное воспитание». Первое, с его точки зрения, «есть воспитание в духе нации, в духе её языка, её истории, её преданий, верований и обычаев, её культурных задач, её духовного творческого национального начала». Второе «есть воспитание в духе государственных интересов, объединяющих, при нормальном положении национальностей, которые составляют государство, общие их политические, культурные и экономические интересы» [11, с. 145–146]. Г. Роков подчеркивал, что при осуществлении правильной национальной политики противоречия между национальным и государственным воспитанием не возникнут, поскольку в таком случае «национальные интересы совпадают с интересами государственным, история и культура каждой нации впадает, как бы в общее русло, в историю и культуру государства, сохраняя свои отличительные черты» [Там же, с. 146]. В России, стране, где одна нация является главенствующей, отмечал автор статьи, патриотические и национальные чувства суть не тождественные феномены. Поэтому, писал Г. Роков, смешение «патриотизма – объекта государственного воспитания и национального чувства – объекта национального воспитания... недопустимо» [Там же, с. 147]. Тем не менее, на взгляд педагога, относительно русского народа вполне можно было говорить о *едином* процессе государственно-национального воспитания. Г. Роков даже предложил своим коллегам принципы последнего. Во-первых, он постулировал совпадение целей воспитания подрастающих поколений с целями развития нации. Во-вторых, он отметил, что национальное воспитание должно «опираться на изучение всех особенностей национального духа и характера». В-третьих, национальное воспитание, подобно индивидуальному, писал он, обязано решать две взаимосвязанные задачи: заботиться о физическом, материальном и моральном здоровье нации и, преследуя общечеловеческие культурные идеалы, развивать национальный гений, национальное творчество [Там же, с. 148].

Обращаясь к анализу реального процесса национального воспитания, проводившегося в государственной школе в начале XX в., Г. Роков называет его антинациональным, т.к. оно, по его мнению, противоречит интересам нации и принижает её физические и моральные силы. Российские «националисты» (Роков брал последнее слово в кавычки, подчеркивая их квазипатриотизм) были, на его взгляд, озабочены исключительно интересами эгоистическо-

го национализма, чем дискредитировали идею национального воспитания [Там же, с. 149–150]. Предлагая посмотреть, *каких* «патриотов» воспитала данная школа, Г. Роков называл их словами Д. Овсяннико-Куликовского – людьми «культурной нищеты». Негативно оценивая деятельность государственной школы, Г. Роков подчеркивал: для национальной идеи «нужны не автоматы, лишённые собственной воли, принудительно напичканные патриотической моралью, а живые, здоровые, самостоятельные, думающие и хорошо образованные» личности [Там же, с. 152]. Он указывал, что национальное чувство – «не тепличное растение, требующее искусственной оранжерейной обстановки». От «искусственного жара», отмечал Роков, оно только уродуется или атрофируется. Педагог с осуждением писал о циркуляре одного из высших школьных администраторов (попечителя округа), проводившем тезис о необходимости избегать сосредоточения «внимания учащихся на отрицательных литературных типах и, наоборот, возможно подробнее останавливаться на типах положительных». Тенденциозность, заключал Г. Роков, является альфой и омегой «нашей педагогической мудрости по части национального воспитания» [Там же, с. 153]. Педагог подчеркивал, что обычная «патриотическая» программа воспитания, заботящаяся о сокрытии от воспитанника отрицательных сторон национальной жизни и старающаяся «внушить ему любовь к родине одними дифирамбами всему родному и самобытному», не имеет ничего общего с истинным патриотизмом [Там же, с. 174].

Г. Роков полагал, что лозунг «народности» вообще стал пустым звуком в устах тех, кто его провозглашает. Им нет никакого дела, делился он своими мыслями с коллегами, до психического склада, материальных и духовных запросов русского народа. В их среде, так гордящейся своим «патриотизмом», продолжал педагог, господствует извращённое представление о русском народе, «граничащее нередко с полным невежеством» [Там же, с. 162–163]. Касаясь содержания подлинного национально-патриотического воспитания, Г. Роков отмечал, что оно должно формировать *патриота* и *гражданина*. Развивая свою мысль, педагог пояснял: «Патриот, как гражданин, обязан выполнить свой патриотически-гражданский долг, не только защищая с оружием в руках свою родину от врагов, к чему сводится патриотическая мораль наших патентованных “патриотов”. Но он обязан, кроме того, неустанно и честно стремиться к *удовлетворению всех нужд народной массы*, этого главного оплота нации, чтобы тем самым стремиться к уста-

новлению её истинного, а не кажущегося могущества» [11, с. 174]. В интересах обеспечения решения этой задачи, делал вывод Роков, «не только не следует скрывать от молодёжи многочисленных изъянов русской действительности, но, наоборот, нужно все эти изъяны... откровенно и правдиво показывать» [Там же, с. 175]. Резюмируя цель национально-гражданского воспитания, он писал: «Не забывая собственных выгод и прав и собственных национально-эгоистических задач, нация, а также и её молодые поколения вместе с тем могут научиться уважать права других наций и по достоинству ценить общие, выше всех стоящие, интересы мира, прогресса, культуры, духовного творчества и социальной справедливости». В качестве квинтэссенции собственного взгляда на соотношение задач национального и интернационального, общечеловеческого воспитания Г. Роков постулировал: «...молодые поколения могут воспитать в себе живое стремление к тому, чтобы национальный вклад в это общечеловеческое достояние, в это хранилище самых святых упований человечества на лучшее будущее соответствовал величию и славе родины» [Там же, с. 178].

Педагоги, не противопоставлявшие патриотизм интернационализму, считали, что современные им неославянофилы, как и их старшие товарищи середины XIX в., строили свои размышления не на реалиях, а на романтическом образе России, ими же и нарисованном. С легкой иронией В.П. Вахтеров писал: «...есть на Руси целая школа, которая учит, что простой "русский народ", не заражённый европейскими влияниями, представляет совершенство, что в основе всех его духовных и нравственных качеств лежит глубокая религиозность, внедрённая в него православием... В числе сторонников этих взглядов много людей, пользующихся большой известностью, — талантливых, искренних, убежденных. Тем не менее это воззрение легче сформулировать, чем доказать» [1, с. 311].

Педагоги, видевшие взаимообусловленность истинного патриотизма и интернационализма, настаивали, что радикальные «почвенники» начала XX в. оказались лишены той широты и глубины мысли, которая была присуща их предтечам. Автор статьи в «Педагогическом листке», приуроченной к 50-летию со дня смерти А.С. Хомякова, писал, что национализм «отца славянофильства» был «высшего порядка». Как и Достоевский, говорилось далее, «он ставил целью для себя... не превозносить черты русской народности, унижая таковые в народностях других, не петь хвалы

России в духе так называемого "квасного патриотизма", но выяснять труднейшие задачи и цели, какие лежат на пути народной жизни по особенностям духовной структуры народа и его жизненных судеб» [9. №7. Ст. 474].

Педагоги, бывшие противниками национальной кичливости, решительно не желали «отдавать» в качестве знамени консервативно и националистически настроенной части педагогического сообщества такую авторитетную и знаковую фигуру, как К.Д. Ушинский. Не случайно А. Лебедев в статье 1910 г. «Педагог русских педагогов — К.Д. Ушинский» взывал к имени основоположника отечественной педагогической науки, когда писал резко критические строки о положении дел в области обучения и воспитания подрастающих поколений. Слова К.Д. Ушинского «Света, побольше света», произнесенные великим ученым за четыре часа до смерти, Лебедев сделал нервом собственной статьи. Оценивая позицию государственных структур в деле образования народа в начале XX в. как отход от заветов Ушинского, он заявлял: «Могилой веет от нашей школы, которая должна быть источником жизни и света. Тяжёлый гнёт бумажного дракона больно чувствуется повсюду... Сушит живую мысль, охлаждает пыл, сковывает волю» [9. №8. Ст. 579]. По сути, этот автор выражал мысль, разделявшуюся его единомышленниками: России нужна не консервация сложившихся «национальных» форм и методов воспитания, а интенсивный поиск нового.

Как видим, споры о сути патриотизма и патриотического воспитания, о соотношении патриотизма и интернационализма весьма совпадают по своему накалу и содержанию с нынешними дискуссиями, идущими в российском обществе. И потому не лишним будет напомнить о том, к каким выводам пришли наши предки ещё столетие назад.

Резюмируя описание и анализ дискуссий рубежа XIX — XX вв., поддержим, опираясь на знание исторического опыта минувшего столетия, следующие тезисы, сформулированные педагогами дореволюционной России.

Первое. Патриотизм не может сводиться к восхвалению собственного народа и его прошлого.

Второе. Истинный патриотизм не противоречит интернационализму, но находится с ним в диалектическом единстве. Нельзя любить собственный народ и страну, отказывая в праве на такое же чувство представителям других этносов и государств.

Третье. Патриотизм представляет собой подчинение личностью собственных интере-

сов интересам своей Родины и проявляется в уважении к её истории и культуре, не отрицающем подобного отношения к культурам и истории иных этносоциальных общностей.

Четвёртое. Патриотическое воспитание является залогом сохранения инаковости исторически сложившихся этнокультурных подсистем глобальной социокультурной системы – человечества, сохранения важнейшего принципа, обеспечивающего развитие последнего: «единство в многообразии».

Пятое. Патриотическое воспитание российской молодёжи выступает важным условием сохранения России в качестве самостоятельного субъекта Истории, занятия ею достойного места в «мире миров», в котором будет преодолено нивелирующее влияние нынешней формы глобализации, стремление «всё решать по единому образцу» и осуществится, наконец, выход «к новому разнообразию при новых возможностях» [3, с. 456].

Список литературы

1. Вахтеров В.П. Избранные педагогические сочинения. М., 1987.
2. Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1998.
3. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991.
4. Дмитриев Н. Национальная школа. Спб., 1913.
5. Зеньковский В.В. Педагогические сочинения. Саранск, 2003.
6. Модзалевский Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Спб., 1899. Ч. II.
7. См.: Москвитянин. 1845. № 2. С. 63–78.
8. Невский В.А. Сборник статей по внешкольному образованию. Пг., 1917.
9. Педагогический листок: журнал для воспитателей и начальных учителей. М., 1910.
10. Первый Общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. Т. II. М., 1912.
11. Роков Г. Воспитатели, школа и молодое поколение: Педагогические очерки. М., 1910.
12. Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. Спб., 1892.

* * *

1. Vahterov V.P. Izbrannye pedagogicheskie sochinenija. M., 1987.
2. Gessen S.I. Izbrannye sochinenija. M., 1998.
3. Gefter M.Ja. Iz teh i jetih let. M., 1991.
4. Dmitriev N. Nacional'naja shkola. Spb., 1913.
5. Zen'kovskij V.V. Pedagogicheskie sochinenija. Saransk, 2003.
6. Modzalevskij L.N. Ocherk istorii vospitanija i obuchenija s drevnejshih do nashih vremen. Spb, 1899. Ch. II.

7. См.: Москвитянин. 1845. № 2. С. 63–78.
8. Nevskij V.A. Sbornik statej po vneshkol'nomu obrazovaniju. Pg., 1917.
9. Pedagogicheskij listok: zhurnal dlja vospitatelej i nachal'nyh uchitelej. M., 1910.
10. Pervyj Obshhezemskij s#ezd po narodnomu obrazovaniju 1911 g. Doklady. T. II. M., 1912.
11. Rokov G. Vospitateli, shkola i molodoe pokolenie: Pedagogicheskie ocherki. M., 1910.
12. Stojunin V.Ja. Pedagogicheskie sochinenija. Spb., 1892.

Patriotic education of the Russian youth at the edge of the epochs: discussions of the turn of the XIX–XX centuries in the mirror of the retrospective analysis

There is represented the retrospective analysis of the discussion concerning the issues of patriotic education at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. There is made the conclusion that patriotic education of the Russian youth is the basis for keeping the otherness of the historically established ethnocultural communities, and it is the condition of preserving Russia as an independent subject of history.

Key words: *patriotic education, internationalism, patriotism, nationalism, cosmopolitanism.*

М.В. БОГУСЛАВСКИЙ, С.З. ЗАНАЕВ
(Москва)

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.Н. СКАТКИНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Характеризуются научные и нравственно-этические качества поколения ученых-фронтовиков. Дается характеристика деятельности в годы войны ветерана Великой Отечественной войны, видного ученого, академика АПН СССР М.Н. Скаткина.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, ученые – ветераны Великой Отечественной войны, М.Н. Скаткин, патриотическое воспитание, политехническое образование.*

Семидесятилетний юбилей Великой Победы – самого значительного исторического события в истории человечества XX в., по своей сути, призывает нас обратиться к памяти тех,